

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зиновьева М. Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76313 EDN: JAOUWE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76313

Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход

Зиновьева Маргарита

ORCID: 0009-0000-2924-9238

аспирант; институт иностранных языков (ИИЯ); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, р-н Коньково, ул. Миклухо-Маклая, д. 21 к. 2 кв.221

✉ 1042235147@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76313

EDN:

JAOUWE

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2025

Аннотация: В статье рассматриваются семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русских и английских киносценариях с позиций лингвокультурного подхода. Эмоции заботы и волнения трактуются не как спонтанные реакции, а как культурно обусловленные коммуникативные акты, отражающие нормы вежливости и способы проявления чувств. На материале русских и английских фильмов 1980–2020-х годов выявляются и сопоставляются лексические, идиоматические и прагматические средства выражения тревоги и заботы. Объект исследования: вербальная репрезентация эмоциональных состояний тревоги и заботы в русском и английском кинодискурсе. Предмет исследования: лингвистические средства и прагматические стратегии выражения тревоги и заботы в русском и английском языках, отражающие культурно обусловленные модели вежливости и эмоциональной экспрессии. Настоящее исследование основано на анализе диалогов из русскоязычных и англоязычных фильмов, которые составляют основной эмпирический материал. Анализ осуществляется

в три взаимосвязанных этапа: семантический анализ лексических единиц, относящихся к понятийному полю тревоги и заботы; прагматический анализ; лингвокультурная интерпретация, интегрирующая семантические и прагматические результаты в более широкий культурный контекст. Русский дискурс характеризуется эмоциональной открытостью, активным использованием гиперболических и идиоматических выражений, а также выраженной тенденцией к драматизации. Напротив, английский дискурс демонстрирует эмоциональную сдержанность, опору на конвенционализированные формулы вежливости и прагматические стратегии смягчения, что соотносится с культурными установками на автономию личности, самоконтроль и уважение к личным границам. Несмотря на эти различия, обе языковые традиции реализуют универсальные коммуникативные функции: выражение заботы служит средством проявления эмпатии, солидарности и поддержания социальных связей, а успокоение выполняет роль снижения эмоционального напряжения и восстановления равновесия в коммуникации. Результаты исследования показывают, что семантика и прагматика тревоги и заботы не сводятся к выбору отдельных слов, а представляют собой культурно закреплённые коммуникативные практики. Проведённое исследование вносит вклад в развитие лингвокультурной прагматики, углубляя понимание того, как эмоции вербализуются и ритуализируются в разных культурах. Работа имеет и практическое значение—для теории и практики перевода, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, где знание культурных сценариев выражения заботы способствует предотвращению недопонимания и укреплению взаимопонимания.

Ключевые слова:

лингвокультурная прагматика, выражение эмоций, тревога, межкультурная коммуникация, кинодиалог, эмоциональная экспрессия, вежливость, эмпатия, кинодискурс, беспокойство

Введение

Эмоции, такие как беспокойство, тревога и озабоченность, составляют неотъемлемую часть человеческого опыта, однако лингвистические способы их выражения значительно различаются в разных культурах и языках. Вербализация тревоги или заботы — это не просто отражение внутреннего эмоционального состояния, но социально и культурно опосредованный коммуникативный акт. Когда говорящий выражает беспокойство, он выполняет важные межличностные функции: проявляет эмпатию, соблюдает нормы вежливости и поддерживает социальную гармонию. Выбор слов, интонация и прагматические стратегии в подобных ситуациях отражают культурные конвенции, регулирующие эмоциональное выражение и речевой этикет.

В современной лингвистике изучение эмоций эволюционировало от анализа семантического значения к более широким прагматическим и лингвокультурным подходам. Эти направления рассматривают язык не только как средство передачи информации, но и как хранилище культурных ценностей и коммуникативных традиций. С этой точки зрения, сопоставление способов выражения эмоций в разных языковых сообществах позволяет глубже понять их социальную психологию и культурную идентичность. Русский и английский языки, в частности, представляют два контрастных коммуникативных типа: русская речь часто характеризуется эмоциональной открытостью и прямотой, тогда как английская — сдержанностью, косвенным выражением чувств и опорой на устойчивые формулы вежливости. Эти противоположные тенденции особенно

заметны в сфере речевого этикета, где выражение тревоги и заботы является не только эмоциональным, но и социально значимым действием.

Кинотекст представляет собой продуктивный материал для анализа данных лингвистических явлений. В отличие от литературных произведений, диалоги в фильмах создаются с целью имитации естественной речи, отражая типичные коммуникативные ситуации, культурно специфические нормы и стереотипы. Таким образом, способы выражения беспокойства или проявления заботы в русских и английских фильмах дают ценную эмпирическую базу для изучения универсальных и национально обусловленных особенностей эмоциональной коммуникации.

Цель данного исследования — выявить и сопоставить лингвистические и прагматические средства выражения тревоги и беспокойства в русских и английских кинотекстах. Объектом исследования является вербальная репрезентация эмоциональных состояний в кинодискурсе, а предметом — система языковых маркеров и прагматических стратегий, передающих состояние беспокойства и заботы в русском и английском языках. **Гипотеза исследования** заключается в том, что способы выражения данных эмоций отражают более широкие культурные модели вежливости и эмоциональной регуляции, характерные для каждого языкового сообщества: русские носители, как правило, выражают заботу более прямо и эмоционально, в то время как англоязычные говорящие чаще прибегают к смягчённым или шаблонным формам выражения.

Задачи исследования включают:

- 1) выявление и классификацию семантических средств выражения тревоги и беспокойства в русских и английских кинотекстах;
- 2) описание прагматических стратегий, посредством которых эти значения реализуются в типичных коммуникативных ситуациях;
- 3) сопоставительный анализ их лингвокультурной специфики с целью выявления точек совпадения и расхождения между русским и английским коммуникативными стилями.

Методологической основой работы является лингвокультурный подход, сочетающий элементы семантического, прагматического и межкультурного анализа.

Актуальность исследования определяется его вкладом в понимание того, как эмоциональные состояния репрезентируются в разных культурных контекстах и как эти репрезентации влияют на коммуникативное поведение. Поскольку кинодиалоги одновременно имитируют реальную речь и формируют коллективные представления о нормах общения, их анализ позволяет выявить лингвокультурные механизмы выражения тревоги и заботы в русской и английской языковых культурах.

1. Теоретические основы

1.1. Семантика и прагматика выражения эмоций Семантика лексики, обозначающей эмоции, издавна является объектом лингвистического исследования, поскольку слова, описывающие внутренние состояния, дают уникальное представление о мировидении языкового сообщества. Как отмечает Ю. Д. Апресян^[1], лексикон эмоций отражает не только универсальный опыт, но и культурно обусловленные концептуализации. Так, в русском языке глаголы *волноваться*, *тревожиться*, *беспокоиться* различаются по степени

интенсивности и стилистической окраске, тогда как в английском их ближайшие эквиваленты — *to worry, to be anxious, to be concerned* — также дифференцированы, но не полностью взаимозаменяемы. Семантический анализ подобных лексико-семантических полей позволяет выявить внутреннюю организацию эмоциональной лексики, а также различия в её оценочных и метафорических ассоциациях [6].

Прагматика, напротив, переносит внимание с системного значения на значение в употреблении. Согласно С. Левинсону [8], прагматический анализ исследует, как говорящие выбирают языковые формы для достижения коммуникативных целей — выражения вежливости, смягчения высказывания, установления солидарности. В случае выражения тревоги и заботы прагматический подход позволяет рассматривать высказывания как акты эмпатии или ритуализированные маркеры этикета. Так, вопрос *Are you okay?* может быть как искренним проявлением участия, так и стандартной репликой в рамках речевого обмена. Аналогично русское *Ты в порядке?* может одновременно выражать эмоциональную вовлечённость и соответствовать культурной норме проявления заботы. Эта двойственность подчёркивает необходимость сочетания семантической точности с прагматической интерпретацией.

1.2. Лингвокультурный подход

Лингвокультурная парадигма объединяет изучение языка с анализом культурных практик, исходя из предположения, что языковые формы неотделимы от ценностей, норм и коллективной идентичности. Концепции языковой картины мира [2] и культурных сценариев [11] показывают, что речевой этикет невозможно объяснить вне культурного контекста.

В теории вежливости П. Браун и С. Левинсон [4] подчёркивают универсальность стратегий, связанных с сохранением «лица», однако признают культурные различия в реализации «позитивной» и «негативной» вежливости. Как отмечает Т.В. Ларина [3], русская коммуникативная культура тяготеет к эмоциональной открытости и ориентации на солидарность, тогда как английская — к автономии личности и смягчённости высказываний. Эти различия определяют способы выражения заботы: русские носители могут демонстрировать открытую эмоциональность (*Я так за тебя переживаю!*), тогда как англоговорящие чаще используют более сдержанные формулы (*I was a bit worried about you*).

Исследования А. Вежицкой [11] подчёркивают, что слова, обозначающие эмоции, не являются прямыми эквивалентами в разных языках, а отражают специфические «культурные словари». Например, русское *тревога* объединяет как экзистенциальные, так и ситуативные оттенки, тогда как английское *anxiety* нередко ассоциируется с медицинским дискурсом. Подобные различия демонстрируют, как семантические категории связаны с культурными установками в отношении эмоций.

1.3. Кинодиалог как объект исследования

Хотя сценарные тексты фильмов не являются записями спонтанной речи, они стремятся воспроизводить коммуникативную динамику, воспринимаемую зрителями как естественную. Как отмечает С. Козлофф [7], кинодиалог сочетает аутентичность с драматической сжатостью, одновременно отражая и формируя социальные ожидания «повседневного общения». Это делает кинодискурс ценным материалом для лингвокультурных исследований.

С прагматической точки зрения, кинодиалоги дают примеры функционирования этикетных стратегий — приветствий, извинений, выражений заботы и утешения. По наблюдению М. Дынел [\[5\]](#), фильмы могут рассматриваться как «сконструированные разговорные корпусы», позволяющие исследовать прагматические явления в контексте, избегая этических и технических сложностей записи реальных разговоров. В межкультурном аспекте сопоставление русских и английских фильмов позволяет проследить различия в репрезентации эмоциональной коммуникации, поскольку сценаристы опираются на культурно знакомые модели, делая персонажей правдоподобными.

Значимость кинодиалога для лингвистики заключается не только в способности имитировать подлинную речь, но и в его функции культурного артефакта. Как отмечают Пьяцца, Беднарек и Росси [\[9\]](#), аудиовизуальные тексты участвуют в формировании коллективных представлений о социальном взаимодействии. Следовательно, анализ того, как персонажи русских и английских фильмов выражают тревогу и заботу, раскрывает не только языковые ресурсы, но и более широкие культурные сценарии эмпатии и социальной солидарности.

1.4. Выводы теоретической части

Изучение выражений тревоги и заботы требует интегративного подхода. Семантический анализ проясняет лексическую и метафорическую структуру эмоциональной лексики; прагматика выявляет интерактивные функции и стратегии речевого поведения; лингвокультурный подход помещает эти результаты в контекст культурных норм и ценностей. Использование кинодиалогов в качестве материала позволяет объединить естественность речевого взаимодействия с репрезентацией культурно значимых моделей коммуникации. Такой трёхкомпонентный подход обеспечивает как лингвистическую строгость, так и культурную глубину, создавая прочную теоретическую основу для сопоставительного анализа русского и английского языков.

2. Методология

Настоящее исследование основано на анализе диалогов из русскоязычных и англоязычных фильмов, которые составляют основной эмпирический материал. Несмотря на то что кинодискурс представляет собой заранее написанный сценарий, а не спонтанную речь, он обладает значительной ценностью для лингвистического и культурного анализа. Сценаристы намеренно конструируют диалоги таким образом, чтобы они имитировали естественное взаимодействие и соответствовали коммуникативным ожиданиям целевой аудитории, тем самым воспроизводя и закрепляя культурно узнаваемые способы речевого поведения. Таким образом, кинодиалоги служат не только источником прагматических стратегий и лексических выборов, но и своеобразным культурным зеркалом, отражающим стереотипные нормы речевого этикета.

Корпус исследования включает фильмы 1990-х–2020-х годов, охватывающие широкий спектр жанров: драму, комедию, мелодраму, семейное кино и криминальные сюжеты. Такое жанровое разнообразие позволяет зафиксировать как типичные, так и контекстуально обусловленные способы выражения тревоги и заботы. Обращение к современному кинематографу гарантирует актуальность материала и его соответствие современным коммуникативным моделям.

Для обеспечения надёжности и сопоставимости данных были применены следующие критерии отбора:

I Во-первых, в анализ включались только те фрагменты, где персонажи явно или имплицитно выражают тревогу, беспокойство или заботу.

I Во-вторых, рассматривались исключительно диалогические взаимодействия, поскольку прагматический аспект выражения заботы проявляется именно во взаимодействии между собеседниками, а не в монологической речи.

I В-третьих, особое внимание уделялось высказываниям, выполняющим этикетную функцию — вопросам о самочувствии, проявлениям участия или актам эмпатического успокоения.

I В-четвёртых, по возможности отбирались параллельные коммуникативные ситуации в русских и английских фильмах, что позволяло проводить контрастивную интерпретацию эквивалентных контекстов общения.

Анализ осуществляется в три взаимосвязанных этапа. **Первый этап**—семантический анализ лексических единиц, относящихся к понятийному полю тревоги и заботы. Рассматриваются русские глаголы волноваться, тревожиться, беспокоиться с точки зрения их значения, степени интенсивности и стилистической вариативности, а также их английские эквиваленты *to worry*, *to be concerned*, *to be anxious*. В анализ также включены идиоматические и метафорические выражения, например у меня сердце не на месте и *my heart was in my mouth*, позволяющие проследить образные модели репрезентации эмоций. **Второй этап**—прагматический анализ, направленный на выявление коммуникативных функций выражения тревоги и заботы в интеракции. Особое внимание уделяется тому, выполняет ли высказывание функцию искреннего вопроса, формулы вежливости, стратегии сохранения «лица» или способа утешения. Прагматические стратегии классифицируются по степени прямоты/непрямоты, а также по наличию смягчения (например, использование хеджей, частиц, модальных слов) или интенсификации (восклицаний, повторов и др.). Анализ последовательностей реплик позволяет рассматривать не только отдельные высказывания, но и их роль в построении и регулировании межличностных отношений. **Третий этап**—лингвокультурная интерпретация, интегрирующая семантические и прагматические результаты в более широкий культурный контекст. На этом уровне анализируются вопросы: в какой мере русские и английские носители прибегают к эмоциональной открытости или сдержанности при выражении заботы? Как культурные сценарии влияют на выбор единиц речевого этикета? Какие потенциальные недопонимания могут возникать в межкультурной коммуникации при расхождении норм? С этой точки зрения, для русского дискурса характерно акцентирование непосредственного эмоционального участия (*Я так за тебя переживаю!*), тогда как английский чаще опирается на конвенционализированные формулы вежливости (*I was a bit worried about you*).

Для лексической верификации и сравнительного анализа привлекались электронные корпуса—Национальный корпус русского языка (НКРЯ), Британский национальный корпус (BNC) и Корпус современного американского английского языка (COCA). Эти ресурсы позволяют уточнить частотность употребления и стилистическое распределение рассматриваемых единиц, дополняя основное наблюдение над кинодиалогами. Теоретическая основа исследования объединяет положения семантики [\[1, 6\]](#), прагматики [\[4, 8\]](#) и лингвокультурного подхода [\[2, 3, 10, 11\]](#).

Следует отметить и определённые ограничения метода. Хотя киноречь не может полностью приравняться к естественной разговорной речи, именно её сценарный характер делает её ценным объектом исследования. Диалоги в фильмах специально

создаются так, чтобы звучать аутентично и культурно уместно, что позволяет выявить социально узнаваемые модели эмоциональной коммуникации. Таким образом, кинодиалоги выступают надёжным и продуктивным источником для сопоставительного лингвокультурного анализа выражения тревоги и заботы в русском и английском языках.

3. Семантический и прагматический анализ выражения тревоги и заботы в кинодиалогах

Анализ русскоязычных и англоязычных кинодиалогов показывает, что выражения тревоги и заботы встречаются в широком спектре коммуникативных ситуаций—от вопросов о самочувствии собеседника до драматизации собственного эмоционального состояния и актов успокоения. Несмотря на то что семантические ресурсы обоих языков во многом сопоставимы, их прагматическая реализация демонстрирует заметные межкультурные различия.

Одним из наиболее частотных контекстов является забота о благополучии собеседника, выражаемая через прямые вопросы. В фильме *The Dark Knight* Рэйчел спрашивает Брюса: *"Are you alright? They said you were in the explosion."* Брюс отвечает формульно: *"I'm fine, don't worry."* Английское выражение заботы здесь конвенционализировано и сопровождается немедленным снижением степени тревоги адресата. В фильме *Брат 2* Света говорит: *«Ты в порядке? Я так волновалась!»*, на что Данила отвечает: *«Да, всё нормально.»* В данном случае прагматический эффект иной: говорящая прямо вербализует своё эмоциональное состояние (*Я так волновалась*), подчёркивая личную вовлечённость, а не стремясь её смягчить.

Вторая разновидность ситуаций включает ретроспективное выражение тревоги, когда персонажи описывают своё эмоциональное состояние после пережитой опасности или разлуки. В *Cast Away* Келли восклицает: *"I was so worried about you. I thought you'd never come back."* Усилитель *so worried* выражает эмпатию, оставаясь в пределах умеренной разговорной экспрессии. В фильме *Любовь и голуби* Надя говорит: *«Я вся извелась, не знала, что с тобой случилось!»*—идиома *вся извелась* передаёт тревогу в наглядной телесной метафоре. Подобная фигуративная интенсификация типична для русского коммуникативного стиля, где высокая эмоциональная выразительность является культурным маркером искренности.

В обоих языках выражения заботы также проявляются в составе этикетных формул. В сериале *Friends* Моника спрашивает: *"Is everything okay? You look a little pale."*—реплика выполняет социально ожидаемую функцию проявления участия и побуждает к откровенности. В фильме *Москва слезам не верит* Катерина замечает: *«Ты чего такой бледный? Всё в порядке?»* Русский пример сочетает прямое оценочное наблюдение с последующим вопросом о состоянии, создавая прагматическое сочетание критики и эмпатии. Русская стратегия выглядит эмоционально более прямой и потенциально угрожающей «лицу» собеседника, тогда как английская версия смягчена косвенным вступлением и вежливым тоном.

Ещё одной важной стратегией является успокоение в ответ на проявленную тревогу. В фильме *Harry Potter and the Order of the Phoenix* Гермиона говорит: *"We were so worried when you didn't come back last night."* Гарри отвечает: *"I'm fine. There's nothing to worry about."* Повтор лексемы *worry* служит для признания чувства беспокойства и его одновременного нейтрализования. В фильме *Легенда № 17* Анатолий говорит Харламову: *«Мы за тебя всю ночь переживали!»*, на что тот отвечает: *«Ну, чего вы, всё нормально.»* Русская реплика содержит гиперболу (*всю ночь переживали*), усиливающую

эмоциональную значимость, тогда как ответ, хоть и минимизирует тревогу, сохраняет экспрессивно-доброжелательный оттенок.

В кинодиалогах также встречаются случаи предвосхищаемой тревоги, когда персонажи выражают беспокойство по поводу будущих событий. В *Titanic* Роуз признаётся: *"I'm afraid something terrible is going to happen."*—выражение *I'm afraid* функционирует как прагматический хедж и одновременно как сигнал внутреннего предчувствия. В фильме Стиляги Мэлс говорит: «Мне тревожно, что всё это плохо кончится.» Ключевое слово тревожно передаёт характерное для русской культуры ощущение экзистенциального беспокойства, менее смягчённого, чем английское *I'm afraid*.

В совокупности эти примеры показывают, что, несмотря на общие семантические средства (англ. *to worry, to be anxious* / рус. волноваться, тревожиться), прагматическое оформление выражения тревоги и заботы различается. Английские диалоги чаще опираются на конвенциональные формулы вежливости и стратегии смягчения, минимизируя эмоциональную нагрузку высказывания. Русские же диалоги, напротив, нередко подчёркивают интенсивность чувств с помощью идиоматических метафор (*вся извелась, сердце не на месте*), гиперболы и драматизации. Эти наблюдения согласуются с более ранними исследованиями, согласно которым русская коммуникативная культура характеризуется эмоциональной экспрессивностью [3], тогда как английская — сдержанностью и формульностью выражения эмоций [4, 10].

4. Семантический анализ выражений тревоги и заботы

Семантический анализ кинодиалогов показывает, что в русском и английском языках используются в целом сопоставимые лексические ресурсы для выражения тревоги и заботы, однако их семантические поля различаются по оттенкам значения, степени интенсивности и образным расширениям. Эти различия отражают культурно обусловленные представления об эмоциональном напряжении и заботе о другом человеке.

4.1. Ключевые лексические глаголы

Основные лексемы русского языка включают глаголы волноваться («испытывать волнение, беспокойство»), тревожиться («чувствовать тревогу») и беспокоиться («проявлять заботу, испытывать беспокойство»). Хотя они нередко употребляются как синонимы, их коннотации различаются. Волноваться—наиболее частотный и нейтральный глагол, употребляемый в повседневных ситуациях (*Я так волновалась, когда тебя не было*). Тревожиться передаёт более сильное, нередко затяжное или экзистенциальное беспокойство (*Мне тревожно, что всё это плохо кончится*). Беспокоиться семантически ближе к понятию «забота», чаще обозначает эмоциональное участие в отношении другого человека (*Мама всегда беспокоится о тебе*).

В английском языке основными эквивалентами выступают *to worry, to be anxious* и *to be concerned*. Глагол *to worry* охватывает широкий диапазон интенсивности—от лёгкой озабоченности до сильного волнения (*I was so worried about you*). *To be anxious* подразумевает более выраженное состояние тревоги, часто с оттенками напряжённости или беспокойства (*He was anxious before the exam*). *To be concerned* представляет собой наиболее нейтральный и социально приемлемый вариант, обозначающий рационализированную заботу (*I'm concerned about your health*). Таким образом, английская система демонстрирует более чёткое разграничение между эмоциональным беспокойством (*worried, anxious*) и социально приемлемой заботой (*concerned*), тогда как

русская лексика чаще объединяет эти аспекты в одном глаголе.

4.2. Прилагательные и состояния

Прилагательные также играют важную роль в выражении тревоги и заботы. В русском языке употребляются формы взволнованный, озабоченный, тревожный, нервный. Они несут не только смысловые, но и стилистические оттенки: озабоченный может указывать на рациональное беспокойство, но иногда приобретает иронический характер; тревожный имеет более высокий, экзистенциальный стиль; взволнованный сочетает эмоциональную возбудимость с лёгкой положительной окраской.

В английском языке эмоциональное поле тревоги представлено прилагательными *worried, anxious, concerned, uneasy, nervous*. Среди них *worried* является наиболее частотным и универсальным, охватывая широкий диапазон эмоциональной интенсивности. *Anxious* используется как в разговорной, так и в медицинской речи, объединяя повседневное и профессиональное употребление. *Uneasy* выражает мягкое, кратковременное чувство тревоги, тогда как *concerned* чаще встречается в формальном или социально вежливом контексте (*a concerned parent, a concerned citizen*). В целом английские прилагательные звучат менее эмоционально насыщенно и более нейтрально по сравнению с русскими, особенно в официальных ситуациях общения.

4.3. Идиоматические и образные выражения

И русский, и английский языки активно используют соматические метафоры для обозначения тревоги. В русском языке распространены идиомы сердце не на месте, я вся извелась, нервы на пределе, которые передают эмоциональное напряжение через телесные образы. Такие выражения подчёркивают телесную вовлечённость эмоций, представляя тревогу не только как психическое, но и как физическое состояние.

В английском аналогичную функцию выполняют выражения *my heart was in my mouth* (сильное волнение или страх), *to be on edge* (нервное напряжение), *butterflies in the stomach* (волнение перед событием), *to lose sleep over* (длительное беспокойство). Хотя эти идиомы также опираются на телесную метафорику, они звучат менее драматично, иногда даже разговорно-иронично (*butterflies in the stomach*). По сравнению с русскими, английские идиомы чаще демонстрируют умеренность и метафорическую сглаженность, соответствующую культурной норме эмоциональной сдержанности.

4.4. Усилители и модификаторы

В кинодиалогах обеих культур часто встречаются наречия и модификаторы, усиливающие эмоциональную нагрузку. В русском языке это так, ужасно, безумно (*Я так волновалась!, Я ужасно переживаю!*), что придаёт речи экспрессивность и драматизм. В английском для тех же целей используются *so, really, pretty, quite* (*I was so worried about you, I'm really concerned*). Более сильные усилители (*terribly, awfully*) встречаются значительно реже. Таким образом, английская речь демонстрирует тенденцию к умеренности и прагматическому смягчению эмоциональности.

4.5. Семантическое пересечение и расхождение

Сопоставительный анализ выявляет несколько закономерностей:

1) Оба языка обладают богатым набором лексических средств выражения тревоги и заботы, однако распределение значений различается. В русском наблюдается частое наложение семантических зон, где один глагол (*переживать*) совмещает значения

личного волнения и заботы о другом. В английском, напротив, чётче разграничены эмоциональные и социальные значения (*worried/anxious* — эмоциональное, *concerned* — социальное).

2) Русская идиоматика и система усилителей тяготеют к эмоциональной гиперболе, изображая тревогу как интенсивное, всеобъемлющее состояние. Английские метафоры, напротив, чаще смягчены и формульны, что соответствует культурной ориентации на умеренность.

3) Русские прилагательные и глаголы нередко содержат экзистенциальный компонент (*тревожно, беспокойно*), связывая эмоциональные переживания с общим ощущением жизненной нестабильности. Английская лексика, напротив, чаще структурируется вокруг ситуативных контекстов (*concerned about your job, worried about the exam*).

4.6. Промежуточные выводы

Семантический анализ кинодиалогов подтверждает наблюдения о культурной специфике концептуализации эмоций. В русском дискурсе тревога и забота предстают как глубоко переживаемые, телесно и эмоционально насыщенные состояния, выражаемые через идиоматическую экспрессию и метафоризацию. Английский дискурс, напротив, тяготеет к лексической умеренности, более чёткому разграничению между эмоциональным волнением и социальной заботой, а также опоре на устойчивые, формульные выражения. Эти различия определяют последующие прагматические расхождения, которые рассматриваются в следующем разделе.

5. Прагматический анализ выражения тревоги и заботы в кинодиалогах

Прагматическое измерение выражения тревоги и заботы определяется не только выбором лексических средств, но и их интеракционными функциями. В обоих языках забота может проявляться как искренний вопрос, как ритуализированная формула этикета, как способ выражения солидарности или как стратегия смягчения потенциальной угрозы «лицу» собеседника. Однако баланс между этими стратегиями существенно различается в русской и английской коммуникативных традициях, отражая культурно обусловленные модели общения.

5.1. Прямота и косвенность выражения

Одним из ключевых различий является степень прямоты при выражении заботы. Английские диалоги чаще используют косвенные или смягчённые формы. В сериале *Friends* Моника спрашивает: *"Is everything okay? You look a little pale."*—здесь забота оформлена как вежливый вопрос, смягчённый вводным выражением *a little*. Аналогично, формула *Are you alright?* в фильме *The Dark Knight* является конвенциональной и ненавязчивой.

В русских фильмах, напротив, проявляется прямая и эмоционально насыщенная забота. В *Брате 2* Света восклицает: *«Ты в порядке? Я так волновалась!»*—говорящая прямо выражает своё волнение, выходя за пределы формульного этикета. В *Москве слезам не верит* Катерина спрашивает: *«Ты чего такой бледный? Всё в порядке?»*—прямое замечание внешности (*Ты чего такой бледный*) в английской культуре могло бы восприниматься как угрожающее «лицу» собеседника, но в русском контексте оно воспринимается как проявление искреннего участия и эмпатии.

5.2. Выражение солидарности и эмпатии

Ещё одна важная функция выражений тревоги—установление эмоциональной солидарности с собеседником. В *Cast Away* Келли говорит Чаку: "*I was so worried about you. I thought you'd never come back.*" — ретроспективное выражение беспокойства укрепляет близость и эмоциональную связь. В русском фильме *Любовь и голуби* Надя говорит: «*Я вся извелась, не знала, что с тобой случилось!*»—выражение не только передаёт тревогу, но и драматизирует страдания говорящей. Подобная экспрессия усиливает эмпатию и отражает культурную норму эмоциональной открытости.

5.3. Стратегии успокоения

После выражения тревоги часто следует акт успокоения, направленный на снятие беспокойства собеседника. В английской речи преобладает рациональное и эмоционально сдержанное успокоение. Так, в *Harry Potter and the Order of the Phoenix* Гермиона говорит: "*We were so worried when you didn't come back last night.*"—Гарри отвечает: "*I'm fine. There's nothing to worry about.*" Повтор глагола *worry* выполняет функцию признания чувства, но сразу же нейтрализует его.

В русском кинодискурсе успокоение, напротив, часто сохраняет эмоциональную окраску. В фильме *Легенда № 17* Харламов отвечает на реплику товарищей («*Мы за тебя всю ночь переживали!*»): «*Ну, чего вы, всё нормально.*» Частица *ну* и разговорная интонация создают эффект теплоты, при этом говорящий признаёт эмоциональную значимость ситуации. Таким образом, русская стратегия сочетает минимизацию тревоги с аффективной поддержкой, тогда как английская — с логическим завершением коммуникации.

5.4. Формульный этикет и эмоциональная вовлечённость

В прагматическом плане важно различать формульные выражения вежливости и эмоционально вовлечённые высказывания. В английской речи выражения заботы нередко выполняют функцию социальной смазки (*Is everything okay?, Don't worry*), не всегда свидетельствуя о глубоком эмоциональном переживании. В русском языке даже формульные выражения часто наполнены эмоцией и усиливаются наречиями (*Я так волновалась!, Мы ужасно переживали!*). Это отражает различие культурных установок: в русской традиции вежливость тесно связана с искренностью и экспрессией, а в английской — с сдержанностью и стандартизированными формами.

5.5. Предвосхищаемая и ретроспективная тревога

Различия проявляются и во временной перспективе выражения тревоги. В *Titanic* Роуз говорит: "*I'm afraid something terrible is going to happen.*" — выражение *I'm afraid* одновременно служит и хеджем, и сигналом предчувствия. В *Стилягах* Мэлс признаётся: «*Мне тревожно, что всё это плохо кончится.*» Русская реплика звучит более экзистенциально и эмоционально, не содержит прагматического смягчения, типичного для английского. Ретроспективные выражения, как у Келли (*Cast Away*) или Нади (*Любовь и голуби*), в русском дискурсе часто драматизируются, тогда как в английском остаются краткими и сдержанными.

5.6. Межкультурные прагматические тенденции

Сравнительный анализ позволяет выделить три основные тенденции:

1) В английском языке выражения заботы, как правило, рутинны, косвенны и смягчены различными прагматическими средствами. Они выполняют функцию стратегий вежливости, направленных на снижение социальной напряжённости и сохранение

«лица» собеседника. Успокоение носит рациональный и сдержанный характер.

2) В русском языке, напротив, выражения тревоги и заботы чаще прямые, эмоционально насыщенные и драматизированы. Они нередко сочетают искреннюю эмпатию с гиперболой или метафоризацией, а успокоение сохраняет аффективную теплоту вместо нейтрализации эмоций.

3) Эти различия могут приводить к прагматическим недопониманиям в межкультурном общении. Русский говорящий может воспринимать английскую сдержанность как холодность или безразличие, а англоговорящий—русскую экспрессивность как избыточную эмоциональность или вторжение в личное пространство. Подобные расхождения подчёркивают необходимость лингвокультурной осведомлённости при интерпретации эмоциональных речевых актов.

5.7. Промежуточные выводы

Прагматический анализ кинодиалогов показывает, что выражение тревоги и заботы — это не просто эмоциональные всплески, а системные коммуникативные стратегии, встроенные в культурные сценарии. Русский диалог ориентирован на эмоциональную открытость и солидарность, английский — на формульную вежливость и смягчение. Оба типа речи реализуют универсальную человеческую потребность выражать участие и эмпатию, однако делают это через различные прагматические механизмы, определяемые культурной нормой общения.

6. Лингвокультурное сопоставление выражений тревоги и заботы

Прагматический анализ кинодиалогов показывает, что выражения тревоги и заботы функционируют не как спонтанные эмоциональные реакции, а как культурно структурированные коммуникативные стратегии. В русском кинодискурсе говорящие, как правило, проявляют эмоциональную открытость и акцентируют межличностную солидарность, тогда как в английском дискурсе преобладают конвенциональные формулы вежливости и стратегии смягчения. Обе языковые системы реализуют универсальную человеческую потребность в эмпатии и выражении участия, однако делают это через разные прагматические и культурные механизмы.

6.1. Общие универсалии

На универсальном уровне и русский, и английский языки используют выражения тревоги и заботы как механизмы эмпатии, солидарности и социального сближения. В обеих традициях забота о благополучии другого человека (*Are you alright? / Ты в порядке?*) выступает формулой этикета, подтверждающей межличностную связь. Аналогично, высказывания-успокоения (*Don't worry / Всё нормально*) служат прагматической стратегией снятия напряжения и восстановления эмоционального равновесия в общении. Идиоматические выражения с телесной метафорикой (*my heart was in my mouth / сердце не на месте*) указывают на общее представление о тревоге как о физическом переживании эмоционального дискомфорта. Эти параллели свидетельствуют о универсальности заботы как коммуникативного акта, укоренённого в человеческом опыте взаимодействия.

6.2. Русский коммуникативный стиль

Русский диалог характеризуется высокой степенью эмоциональной открытости и интенсификации. Забота нередко драматизируется с помощью гиперболических идиом (*Я вся извелась, мы всю ночь переживали*) и усилительных наречий (*так волновалась,*

ужасно переживаю»). Подобная экспрессия отражает культурную установку на искренность и аффективную прозрачность, где интенсивность высказывания прямо коррелирует с глубиной личного участия.

Кроме того, в русском языке эмоциональные и социальные измерения заботы переплетены. Глаголы *переживать* и *беспокоиться* одновременно обозначают внутреннее волнение и заботу о другом человеке, стирая границу между «личным» и «альтруистическим» беспокойством. Русская вежливость, как отмечает Т. В. Ларина [3], реализуется преимущественно через стратегии позитивной вежливости, направленные на сближение, эмпатию и разделение эмоций. В этом контексте прямое упоминание внешнего вида (*Ты чего такой бледный?*) или эмоционально насыщенные выражения тревоги не воспринимаются как вмешательство в личное пространство, а, напротив, служат знаком подлинного участия и сочувствия.

6.3. Английский коммуникативный стиль

Английский диалог, напротив, тяготеет к эмоциональной сдержанности и формульной вежливости. Забота выражается через устойчивые вопросы (*Is everything okay?, Are you alright?*) или смягчённые наблюдения (*You look a little pale*). Усилители (*I was so worried*) встречаются, но гиперболизация эмоций гораздо реже, чем в русском. Успокаивающие реплики обычно рациональны и завершают эмоциональную ситуацию, например: *There's nothing to worry about*.

Выражения заботы в английской речи отражают культурные сценарии негативной вежливости [4], ориентированные на уважение автономии собеседника и минимизацию вторжения. Вопрос о самочувствии часто представляет собой ритуал вежливости, а не эмоциональное признание. Даже идиоматические выражения (*to lose sleep over, butterflies in the stomach*) чаще смягчают или иронизируют эмоциональное напряжение, чем усиливают его.

6.4. Возможные межкультурные недопонимания

Выявленные различия порождают высокий риск прагматических недопониманий в межкультурной коммуникации. **Русскоговорящий**, привыкший к открытому и эмоционально насыщенному выражению заботы, может воспринимать **английскую** сдержанность как холодность или безучастие. **Англоговорящий** собеседник, напротив, может истолковать русскую экспрессивность как избыточную драматизацию или навязчивость. Эти расхождения затрагивают не только уровень языка, но и глубинные культурные ожидания относительно допустимых форм выражения эмоций. Так, русское успокоение Ну, чего вы, всё нормально несёт оттенок тепла и коллективной поддержки, тогда как английское *I'm fine, don't worry* звучит более нейтрально и самодостаточно. Без понимания таких культурных различий участники межкультурного общения рискуют неверно интерпретировать эмоциональные намерения друг друга.

6.5. Обобщение результатов

Лингвокультурное сопоставление показывает, что русская коммуникативная культура ориентирована на эмоциональную экспрессивность, солидарность и искренность, в то время как английская коммуникативная культура основывается на умеренности, самоконтроле и следовании вежливым формулам. Обе системы служат одной и той же цели—выражению эмпатии, участия и заботы,—но реализуют её через разные культурно закреплённые стратегии. Понимание этих закономерностей имеет важное значение не только для описания речевого этикета, но и для межкультурной коммуникации,

переводоведения и преподавания иностранных языков. Осознание различий в прагматике эмоций способствует формированию межкультурной компетенции и более точной интерпретации эмоциональных речевых актов в различных лингвокультурах.

7. Дискуссия

Результаты семантического и прагматического анализа показывают, что, несмотря на сходство коммуникативных целей выражений тревоги и заботы в русском и английском языках, их лингвокультурная реализация существенно различается. Эти различия позволяют глубже понять природу речевого этикета, прагматику эмоциональной экспрессии и механизмы межкультурного взаимодействия.

7.1. Лингвистические и культурные выводы

Контраст между русской эмоциональной открытостью и английской сдержанностью подтверждает известные модели культурных стилей коммуникации. Как отмечает Т. В. Ларина [3], русская вежливость преимущественно опирается на стратегии позитивной вежливости, подчеркивающие солидарность и эмоциональную вовлечённость. Анализ кинодиалогов подтверждает эту тенденцию: выражения заботы часто драматизируются и усиливаются идиоматическими гиперболами (*Я вся извелась, всю ночь переживали*), что отражает культурные нормы искренности и экспрессивной эмпатии.

В английской речи, напротив, преобладают стратегии негативной вежливости [4], направленные на минимизацию вторжения в личное пространство собеседника. Забота выражается с помощью устойчивых, формульных реплик (*Is everything okay?, Are you alright?*), которые служат главным образом для поддержания социального равновесия, а не для выражения реального эмоционального волнения. Аналогично, успокаивающие высказывания (*There's nothing to worry about*) носят рациональный характер и сигнализируют эмоциональную умеренность. Таким образом, язык кодирует культурные ценности автономии, самоконтроля и умеренности.

7.2. Межкультурная коммуникация

Лингвокультурные различия в выражении тревоги и заботы имеют прямые практические последствия для межкультурного общения. Недопонимания возникают, когда собеседники интерпретируют эмоциональные выражения через призму собственных культурных норм. Русский говорящий, привыкший к открытым и эмоционально насыщенным проявлениям участия, может воспринять английскую сдержанность как равнодушие. Англоговорящий же может счесть русскую экспрессию избыточной или навязчивой.

Такие несоответствия могут влиять не только на повседневное общение, но и на профессиональные сферы — например, в медицине, образовании или социальной работе, где выражение заботы играет ключевую роль в установлении доверия. Некорректное с культурной точки зрения проявление участия может ослабить взаимопонимание или исказить восприятие намерений. Следовательно, знание культурных сценариев выражения заботы становится важным условием успешного межкультурного взаимодействия.

7.3. Перевод и преподавание языков

Исследование подчёркивает значимость культурной чувствительности в переводе и обучении иностранным языкам. Переводчики часто сталкиваются с трудностями при

передаче выражений заботы и тревоги. Дословный перевод русских идиом (*сердце не на месте, я вся извелась*) на английский может звучать излишне драматично или комично, тогда как чрезмерное упрощение приводит к потере культурных нюансов эмпатии. Аналогично, английские формулы вежливой заботы (*I'm concerned about...*) при прямом переводе на русский могут восприниматься как эмоционально холодные.

В педагогике использование аутентичных примеров из фильмов способствует развитию не только лексико-грамматических навыков, но и межкультурной компетенции. Студенты, изучающие русский или английский язык как иностранный, получают возможность понять не только словарное значение, но и прагматическую нагрузку выражений заботы. Включение анализа кинодиалогов в учебный процесс обеспечивает реалистический и контекстно насыщенный материал для формирования коммуникативной компетенции.

7.4. Теоретический вклад исследования

Работа вносит вклад в более широкий контекст исследований в области прагматики и лингвокультурологии. Она демонстрирует, что речевые акты, связанные с выражением эмоций, невозможно адекватно описать без учёта семантического, прагматического и культурного уровней. Кинодиалог, как особый тип гибридного дискурса, представляет собой продуктивный исследовательский материал: он имитирует естественное общение, одновременно отражая социально значимые коммуникативные практики. Это подтверждает ценность анализа киноречи как дополнения к корпусным и этнолингвистическим методам в современном языкознании.

7.5. Промежуточные выводы

Анализ показал, что семантика и прагматика выражения тревоги и заботы выходят за рамки чисто языковых явлений, отражая глубинные культурные ценности и традиции общения. Русские и английские диалоги иллюстрируют два контрастных, но взаимодополняющих способа проявления эмпатии: первый основан на эмоциональной открытости и солидарности, второй — на вежливой сдержанности и конвенциональности. Эти наблюдения имеют практическую значимость для межкультурной коммуникации, перевода, преподавания языков и теоретической лингвистики, подчёркивая важность лингвокультурного подхода при исследовании того, как эмоции кодируются и реализуются в языке.

Заключение

Сопоставительный анализ русских и английских кинодиалогов показывает, что, хотя оба языка обладают широким семантическим и прагматическим репертуаром для выражения тревоги и заботы, их лингвокультурная реализация существенно различается. Русский дискурс характеризуется эмоциональной открытостью, активным использованием гиперболических и идиоматических выражений, а также выраженной тенденцией к драматизации — чертами, отражающими культурные ценности искренности, эмпатии и межличностной солидарности. Напротив, английский дискурс демонстрирует эмоциональную сдержанность, опору на конвенционализированные формулы вежливости и прагматические стратегии смягчения, что соотносится с культурными установками на автономию личности, самоконтроль и уважение к личным границам.

Несмотря на эти различия, обе языковые традиции реализуют универсальные коммуникативные функции: выражение заботы служит средством проявления эмпатии, солидарности и поддержания социальных связей, а успокоение выполняет роль снижения эмоционального напряжения и восстановления равновесия в коммуникации.

Различия проявляются главным образом в степени эмоциональной интенсивности и в культурных сценариях, регулирующих нормы вежливости и допустимость эмоциональной экспрессии.

Результаты исследования показывают, что семантика и прагматика тревоги и заботы не сводятся к выбору отдельных слов, а представляют собой культурно закреплённые коммуникативные практики. Использование кинодиалогов в качестве материала подтвердило свою эффективность: кинодискурс одновременно имитирует живое общение и акцентирует социально значимые модели речевого этикета.

Проведённое исследование вносит вклад в развитие лингвокультурной прагматики, углубляя понимание того, как эмоции вербализуются и ритуализируются в разных культурах. Работа имеет и практическое значение—для теории и практики перевода, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, где знание культурных сценариев выражения заботы способствует предотвращению недопонимания и укреплению взаимопонимания.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение сравнительного анализа на другие языки и культуры, изучение других эмоциональных доменов—например, гнева, радости или сочувствия, а также мультимодальный анализ просодических и невербальных аспектов в кино и реальной коммуникации. Таким образом, исследование выражений тревоги и заботы открывает более широкие перспективы для изучения взаимосвязи языка, культуры и эмоций в человеческом общении.

Библиография

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. 509 с. EDN: SUQIKR.
4. Brown, P., & Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 pp.
5. Dynel, M. The Pragmatics of Humour Across Discourse Domains. Amsterdam: John Benjamins, 2011. Vol. 210.
6. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 223 pp.
7. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley: University of California Press, 2000. 332 pp.
8. Levinson, S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 pp.
9. Piazza, R., Bednarek, M., & Rossi, F. Telecinematic Discourse: Approaches to the Language of Films and Television Series. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 315 pp.
10. Wierzbicka, A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 pp.
11. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. 502 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью «Семантика и прагматика выражения тревоги и беспокойства в русском и английском языках: лингвокультурный подход»

Статья посвящена сопоставительному анализу семантических и прагматических особенностей вербализации тревоги и заботы в русском и английском языках с использованием материала кинодиалогов. Автор ставит целью выявить лингвокультурные различия в способах выражения этих эмоций, что позволяет рассматривать работу в русле актуальных междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, культурологии и прагматики.

Предмет исследования — система языковых маркеров и прагматических стратегий, используемых для передачи тревоги и заботы в русском и английском кинодискурсе. Методология основана на трёхступенчатом анализе: семантическом (изучение лексических единиц), прагматическом (функции высказываний в коммуникации) и лингвокультурном (интерпретация данных в контексте культурных норм). Такой подход демонстрирует системность и научную строгость, хотя стоило бы более чётко описать принципы отбора фильмов и объём исследуемого материала. Использование корпусов (НКРЯ, BNC, COCA) для верификации данных усиливает достоверность результатов.

Актуальность исследования не вызывает сомнений: в условиях глобализации и увеличения межкультурных контактов понимание различий в эмоциональной коммуникации становится ключевым для предотвращения прагматических неудач. Исследование вносит вклад не только в теоретическую лингвистику, но и в прикладные области — переводоведение, преподавание языков, межкультурный тренинг.

Научная новизна заключается в комбинации лингвокультурного и прагматического подходов с привлечением кинодиалогов в качестве основного материала. Кинотексты рассматриваются не просто как иллюстративный материал, а как культурные артефакты, отражающие и формирующие коммуникативные нормы. Это позволяет авторам избежать абстрактности и предложить конкретные примеры употребления эмоциональной лексики в естественных, хотя и смоделированных, ситуациях.

Стиль статьи соответствует жанру научного исследования: ясный, структурированный, с опорой на авторитетные источники. Структура логична и последовательна — от теоретического обоснования к эмпирическому анализу и интерпретации. Однако в некоторых разделах, особенно в семантическом анализе, не хватает наглядности: таблицы или схемы, систематизирующие различия между русскими и английскими лексемами, могли бы улучшить восприятие.

Библиография репрезентативна и включает как классические труды (Апресян, Вежбицкая, Браун и Левинсон), так и современные работы по прагматике и кинодискурсу. Тем не менее, можно отметить отсутствие ссылок на исследования, посвящённые эмоциональному дискурсу или кросс-культурным различиям в выражениях тревоги — это могло бы усилить теоретическую базу.

Апелляция к оппонентам имплицитно присутствует в тексте: авторы учитывают возможную критику относительно искусственности кинодиалогов и заранее аргументируют их ценность как культурно релевантного материала. Однако стоило бы явнее обозначить ограничения исследования — например, зависимость от жанра кино или влияние сценарной условности на речевые паттерны.

Выводы работы убедительны и соотнесены с поставленными задачами. Они подчёркивают, что русский коммуникативный стиль тяготеет к эмоциональной открытости и гиперболизации, тогда как английский — к сдержанности и формульности. Эти результаты представляют интерес не только для лингвистов, но и для специалистов по

межкультурной коммуникации, преподавателей иностранных языков, переводчиков, а также для широкой аудитории, интересующейся культурными различиями.

Статья представляет собой законченное, методологически выверенное исследование с чёткой структурой и ценными выводами. Несмотря на отдельные недочёты — недостаток визуализации данных и необходимость более полного описания методологии отбора материала — работа соответствует уровню научной публикации. Высказанные замечания носят рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки проведенного исследования. Полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале.